

© 2010 г Т.Е. Сорокина

ФЕНОМЕН ПРЕОДОЛЕНИЯ ИСТОРИИ В ПРОЗЕ

ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА

Статья посвящена рассмотрению прозы В. Пелевина (романы «Чапаев и Пустота», «Священная книга оборотня», «Ампир В») как идейно-художественного пространства, в котором происходит преодоление «истории» в контекстах, близких к восточной философии.

Ключевые слова: литературная историософия, художественный историзм, религия и литература, буддийские мотивы современной культуры, творчество В. Пелевина.

Виктор Пелевин остается одним из самых читаемых писателей последнего десятилетия. Обозначим причины его популярности. 1) Современность, трансформированная в гротескные образы «наших дней», всегда присутствует в его романах и рассказах. 2) Динамизм фабульного становления текста находится в контексте философских размышлений и прорывов, позволяющих читателю почувствовать себя приобщенным к «мудрости», не покидая при этом пространство сюжета, способного раскрываться в пределах массовой культуры. 3) Философская составляющая текста не требует от читателя собственно интеллектуальных усилий; юмор, ирония и сарказм избавляют дидактический вектор повествования от книжной сложности. 4) Частое обращение к ненормативной лексике, предельная свобода повествователей и персонажей от классической нравственности усиливают гротескное звучание произведения, стимулируют читателя пережить всплеск определенной маргинальности, впрочем, не выходящей за пределы акта чтения. 5) Совершается приобщение к буддийской культуре, которая «проповедуется» с использованием исторических реалий современной России.

Исторические контексты активно используются Виктором Пелевиным, но история не может быть самоцелью в произведениях Пелевина. Следуя восточной философией в ее буддийском изводе, автор стремится к максимальной концептуализации понятия «человечность». «Интерес к социальным характерам в

романе Пелевина уступает место изображению «эвримена» и универсальной глубины человеческой души, героем становится «любой» человек, часто выпадающий из социальной среды, человек сам по себе, безотносительно к эпохе и социальной группе», – пишет о романе «Чапаев и Пустота» А. Цыганов [1]. «Историческое» часто растворяется в «буддийском». Об этом размышляет К. Резников: «Роман является проповедью дзен-буддизма. Пелевин использует дзен не как литературный прием, он является его адептом и пропагандистом. По ходу романа, показана относительность и иллюзорность мира, описаны усилия героев достичь просветления, ощутить пустоту, шуньяту. Понятие шуньяты, центральное в дзен-буддизме, определило фамилию главного героя и название книги. Помимо дзена, в романе затронуты идеи субъективного идеализма и экзистенциализма. Тут нет противоречий, различия не полярны». Последние фразы К. Резникова ставят важный вопрос: роман служит Пелевину для пропаганды дзен-буддийской мудрости или буддизм использован автором в рамках литературно-коммерческого проекта? На наш взгляд, оба варианта ответа верны. Пелевину удалось сочетать интересы восточной дидактики с решением имиджевой и тиражной проблемы. Оппонентов у Пелевина не меньше, чем сторонников. Но и они признают, что его произведения – неординарное литературное явление, способное дать новый ракурс познания культуры современности. С. Корнев, активно критикуя автора «Чапаева и Пустоты», готов «выдавить из себя несколько комплиментов»: «Этот роман занимает уникальное место в русской литературе. Быть может впервые со времен Достоевского, у нас появился полноценный, удавшийся философский роман, который обладает сразу тремя, трудно сочетаемыми свойствами. Во-первых, это действительно философский роман, – не только потому, что его герои непрерывно занимаются философскими рассуждениями, но и потому, что все движение романа подчинено экспликации некоей довольно абстрактной и сложной метафизической идеи. Во-вторых, удивляет поразительное совершенство формы. Эту книгу можно глотать маленькими ложечками: ей свойствен расточительный и пресыщенный пуантилизм, который заставляет смаковать чуть ли не каждую фразу. Конечно, в современной русской литературе это свойство не редкость, однако оно не так уж часто встречается в произведении крупной формы и выдерживается в нем с начала и до конца. В-третьих, что самое поразительное, при всех своих достоинствах это роман популярный, читабельный» [2].

«Чапаев и Пустота» – программный для Пелевина текст. Он показывает, что историческое имя, связанное в обыденном сознании с определенным историческим контекстом, свободно покидает его, становясь знаком иной реальности, не связанной с первоначальным контекстом. В предисловии к «Чапаеву и Пустоте» об этом специально сказано: «В русском фольклоре Чапаев является чем-то вроде знаменитого Ходжи Насреддина. Он герой бесконечного количества анекдотов, основанных на известном фильме тридцатых годов. В этом фильме Чапаев представлен красным кавалерийским командиром, который сражается с белыми, ведет длинные душевные разговоры со своим адъютантом Петькой и пулеметчицей Анкой и в конце тонет, пытаясь переплыть реку Урал во время атаки белых. Но к жизни реального Чапаева это не имеет никакого отношения, а если и имеет, то подлинные факты неузнаваемо искажены домыслами и недомолвками» [3,4]. Сначала некогда реальная жизнь превратилась в художественный фильм – совершенно самостоятельное произведение искусства, признающее лишь логику творчества, способного воссоздать жизнь известного имени в системе новой образности. Фильм, ставший популярным, еще раз обратил народное сознание к Чапаеву, но не приблизил к исторической фигуре, а наоборот, удалил от нее, затмил историю, поставив на ее место образ киноискусства, трансформированный в образы бесконечных анекдотов. Литература, концептуально связанная и с искусством кино, и с мастерством народного анекдота, действует по тем же принципам: она использует общеизвестное, но сохраняет лишь ту связь с родным контекстом, которую считает необходимым сохранить. Никакой ответственности перед историческим Чапаевым Пелевин не ощущает. Анализируя поэтику его текстов, можно сделать вывод, что он и не допускает никакого исторического Чапаева, давно распавшегося в смене времен. Чапаев романа – это трансформация народного восприятия, концептуализированного в литературном сознании самого Пелевина. Автор предисловия, сообщающего об истории рукописи, – Председатель Буддийского Фронта Полного и Окончательного Освобождения. Сразу же дается представление о методе, который будет действовать в работе с историческими именами и историей в целом. Остается и «фронт», и «освобождение», но смысл революций и войн уже не в исторических контекстах, а в становлении внутреннего мира. Следовательно-

но, трансформации, отличающие пелевинские тексты, восходят (так хочет считать сам автор) к буддийскому миропониманию, призванному освободить человека от сансары, приковывающей к материальным/духовным иллюзиям и погрузить в нирвану, где не действительна всякая концептуализация, в том числе концептуализация истории и человека, пытающегося стать субъектом истории. Против истории, требующей детального и тщательного изучения, выступает литература как способ виртуализация всех устойчивых истин, против хронологий и общепринятых идеологий, оценивающих ту или иную эпоху.

Историософия уступает место мифологизации: «Поэтика мифологизирования так же предполагает известное противопоставление универсальной психологии и истории, мифологический синкретизм и плюрализм, элементы иронии и травестии. Она использует циклическую ритуально-мифологическую повторяемость для выражения универсальных архетипов и для конструирования самого повествования, так же как и концепцию легко сменяемых социальных ролей (масок), подчеркивающих взаимозаменяемость, «текучесть» персонажей (Чапаев – и начдив, и белый, офицер, и гуру / Петька – и ординарец, и поэт-декадент, и пациент психбольницы / Котовский – и олигарх, и красный командир, и адепт / Фурманов – вождь ткачей, и представитель красного Хаоса, и т.д.), – пишет А. Цыганов [1].

В идейно-художественном мире Пелевина христианство – одна из коллективных фантазий человечества, которая привязывает его к миру самых разных иллюзий, предлагая пережить в ритуальной практике иллюзии более-менее высокого качества. Особых симпатий к христианству Пелевин не испытывает. Конечно, нет у него никакой привязанности и к христианской концепции истории. В мире Пелевина тоже есть апокалипсис, но близость двух подходов к проблеме конца мира – кажущаяся. Христианский апокалипсис носит всеобщий характер, к тому же он совершается в истории, при активном участии «Рима» и «Вавилона», преследующих праведников в последний раз. У Пелевина апокалипсис лишен географического и историко-идеологического символизма. Богу подходящей формой была бы совершенная мелодия, а не «безобразное человеческое тело», – говорит пелевинский Чапаев при первой встрече с Петром. Один из главных христианских постулатов – боговоплощение: в лице Христа Бог стал человеком. У Пелевина,

если речь идет об идеях и состояниях, поддерживаемых автором, истина удалена от телесности и идейной определенности. Истина не может воплотиться в теле. Но телесный человек, осознав свою иллюзорность, может стать истиной. Поэтому исторический Христос (как Мессия для всех) в пелевинском мире невозможен. Писателя не устраивает в христианстве сохраняющаяся ритуальность и обрядность, а также настороженное отношение к духовной импровизации. Ритуал требует определенной ставки на повтор и заучивание, на техническое (не исключающее духовное) воспроизведение жестов и слов. Такая практика представляется Пелевину и его авторским героям очевидным обманом: человек снова и снова подтверждает свою привязанность к «этому» миру». Находит Пелевин в христианстве проявления языческого культа: слишком большую власть священников, обязательное присутствие храма, наличие священного календаря. В романе «Ампир В» Рама, проходя курс «молодого вампира», узнает, что в Византии Бога и дьявола объединили в один молитвенный объект, создав государственное христианство, включившее человека в социально-исторические структуры, обрекающие его на бесконечные страдания. «Иудеохристианство» (этот религиозный термин часто встречается у Пелевина) нуждается не только в образе личностного Бога, что вызывает возмущение пелевинских героев, но нуждается и в образе врага – дьявола (антихриста), оправдывая войну (внутреннюю и внешнюю) как форму утверждения истины. Война – одно из ключевых понятий любой историософии. Но только не для Пелевина. В «Ампире В» о войнах размышляет Энлиль: «Иногда вампиры разных стран играют друг с другом, как дети. Только вместо солдатиков у них люди. Бывает даже, что вампиры одного клана играют в солдатики друг с другом на собственной территории» [5, с.181]. То что кажется человеку эпическими сражениями, битвой за истину или хотя бы за выживание, оказывается игрой «хозяев мира». Интересно, что антивоенный пафос оказывается в текстах Пелевина одновременно и антиисторическим пафосом.

Не вызывает положительных эмоций у Пелевина и российская история. В словах фарсового Кавабаты («Чапаев и Пустота»), что России «необходим алхимический брак с Востоком»), для писателя есть своя правда. Одна из причин недоверия к России заключается в том, что здесь на социальном уровне воплощены основные христианские мифологемы. Этот мотив наибо-

лее разработан в романе «Чапаев и Пустота». В беседе Володина с двумя боевиками, активно потребляющими алкоголь и наркотики, соединяется образ Бога, нуждающегося в аде, с образом Сталина, создающего «адский» режим существования. Формируется образ «вечной России»: небо и земля находятся в гармонии; жестокий Господь, нуждающийся в абсолютном повиновении, находится наверху; внизу Сталин, требующий абсолютного повиновения в земном мире. В любом случае человек есть грешное создание, заранее обреченное и лишь способное надеяться на чудесную милость.

В романе «Священная книга оборотня» А Хули объясняет в письме своей «сестричке» смысл российской истории: «Каждый раз реформы начинаются с заявления, что рыба гниет с головы, затем реформаторы съедают здоровое тело, а гнилая голова плывет дальше. Поэтому все, что было гнилого при Иване Грозном, до сих пор живо, а все, что было здоровым пять лет назад, уже сожрано (...) Но русские все равно любят свою страну, а их писатели и поэты традиционно сравнивают этот порядок с гирей на ноге волшебного исполина – иначе, мол, помчался бы слишком быстро... Ох, не знаю. Уже давно не видно никакого исполина, а только нефтяная труба и висящая на ней крыс (...) Иногда мне кажется, что единственная цель русского существования – тащить ее по заснеженной пустыне, пытаюсь найти в этом геополитический смысл и вдохновить им малые народы» [6, с. 102]. Сталинская концепция существования человека, соответствующая (в пелевинском восприятии) православному пониманию жизни, лишь множат абсурд и страдания. Исходом из этого страдания оказываются образы, предлагаемые Чапаевым, Черным Бароном, лисой А Хули. Буддизм должен обеспечить освобождение от структурированного бытия, в котором история один из самых значимых образов «мира-тюрьмы». Буддизм, конечно, имеет большое значение для понимания авторского отношения к истории. Он определяет принцип отказа от реальности, исчезающей в отказе сознания от наполнения содержания, знаками, поддерживающими серьезный характер мироздания. Но многих критиков и оппонентов смущает даже не пелевинский буддизм, вряд ли органичный для нравственной философии России, а то что в произведениях Пелевина образы измененного сознания не ограничиваются обращением к восточной мудрости. Есть и Кавабата, и Желтый Господин, есть другие проповедники исхода из рационального

мироустройства. Тогда почему из произведения в произведение переходит образ измененного сознания, испытывающего влияние алкоголя и наркотиков? Алкогольные и наркотические трансы характерны практически для всех произведений Пелевина. Можно предположить, что автор демонстрирует, что исход из реальности может отличаться положительным знаком (буддизм), но может быть и негативным (наркотики, водка). Но это предположение нельзя признать однозначно верным. Одна из сильнейших «буддийских» сцен во всех текстах Пелевина – беседа Володина с «братками» в романе «Чапаев и Пустота»: к постижению восточных истин, к познанию русской истории герои приходят под влиянием водки, смешанной с наркотическими грибами. Встреча Сердюка с Кавабатой напоминает некую дзэн-буддийскую историю, но и здесь мотивы алкогольного транса весьма значимы. Создается ощущение, что смеховая культура, а также ставка на маргинальность, ненормативность текста заставляет автора не только обращаться к Востоку с его преодолением истории, но и путать Восток с погружением в «ничто» с помощью опасного допинга. Сказать, что Пелевин борется с алкогольно-наркотической культурой, нам не представляется возможным.

Человек все-таки презираем в пелевинском мире. Автор о нем очень невысокого мнения. Многие тексты – не критика человека в его современном состоянии, а атака на самую человечность как форму мирооценки. Это легко подтвердить, рассматривая героев, занимающих основные позиции в произведениях. В «Чапаеве и Пустоте» сам Чапаев, Котовский и Черный Барон имеют косвенное отношение к человеческому роду. У каждого есть несколько активных образов, они совершенно свободны от любой исторической эпохи. В «Священной книге оборотня» главные герои – лиса и волк, поднимающиеся над миром людей. Особенно это относится к А. Хули, которая живет две тысячи лет и наконец-то приблизилась к полной свободе от жалкого человеческого рода. В ее образе – иллюзорность времени. Раз иллюзорно время, то и историю трудно признать существующей. В «Ампире В» в развернутой форме представлена концепция вампиров – истинных правителей земли. Пелевин – не на их стороне, но в ряде ситуаций (когда вампиры выказывают прекрасное понимание человека) сближение автора с героями, лишенными симпатий, происходит. Вместо исторических категорий, определяющих становление всемирного процесса, Пелевин указывает на гламур и дискурс как на константные ситуации управления, обеспечивающие

устойчивость и социальной, и внутренней жизни. В начале нового тысячелетия они чувствуют себя особенно уверенно благодаря рекламе и средствам массовой информации. Но, судя по установке Пелевина, это не исторические, а константные, независимые от времени категории управления человеком. «Цель гламура именно в том, чтобы жизнь человека проходила в облаке презрения к себе. Это состояние, которое называют «первородный грех» – прямой результат потребления образов красоты, успеха и интеллектуального блеска. Гламур и дискурс погружают своих потребителей в убожество, идиотизм и нищету (...) В этом переживании позора и убожества проходит вся человеческая жизнь», – объясняет Раме Йегова [5, 91]. Гламур – «идеология анонимной диктатуры». С ним можно бороться, но это не гарантирует результат. «Разоблачение гламура» инфильтрует его даже в те темные углы, куда он ни за что не проник бы сам», – сообщает один из высокопоставленных вампиров [5, 89]. Не менее сложно победить дискурс – четко отлаженную речь, призванную оставить человека в границах мира бесконечного потребления. Вампиры знают, что язык способен удалить истину от человека: «На основной вопрос философии у лис есть основной ответ. Он заключается в том, чтобы забыть про основной вопрос. Никаких философских проблем нет, есть только анфилада лингвистических тупиков, вызванных неспособностью языка отразить Истину» [5, 260]. Деньги – «центральная абстракция» и основная цель человеческого существования, заставляющая стремиться к насыщению вещным миром и никогда не насыщаться. Страны, народы, разнообразие традиций – иллюзии. «Национальная культура, к которой принадлежит человек – это нечто вроде клейма, которым метят скот», – изрекает Энлиль [5, 231]. Значима оценка «Священной книги оборотня» В. Бондаренко, который строит свой анализ романа на противопоставлении образов лисы А Хули и волка Александра: «Мне интереснее в этой книге не главная героиня, древняя восточная лиса-оборотень, забредшая к нам в поисках приключений, как бы она ни была умна и привлекательна, а символизирующий и коренную Россию, и сам русский народ волк-оборотень, ближе к концу романа превращающийся в собаку, а в человеческом облике – спаситель России, нефтедобытчик и генерал спецслужб Саша Серый» [7]. И все-таки, рассматривая общий контекст творчества Пелевина и тексты, появившиеся после «Священной книги оборотня», вряд ли можно признать надежды В. Бондаренко на «русификацию» писателя обоснованными. Верно, что Пелевина невозможно безоговорочно включить в игровое пространство постмо-

дернизма, чуждое идейности и дидактичности. О жанре «духовного восхождения» в прозе Пелевина размышляет А. Щербин [4]. «Парадоксально то, что весь неохватный цинизм по отношению к человеку и его культуре, его жизни, его труду потрясающе выгодно оттеняет финальные «сентенции», «мораль», которая вне контекста всей книги воспринималась бы как дешевые прописные истины. Будучи же погруженными в контекст, эти истины выглядят выстраданными и неотвратимыми», – пишет К. Дьякова [8]. «Пелевин насквозь идеологичен», – считает С. Корнев [2]. В пелевинской художественной идеологии история – объект преодоления, слишком рациональная форма сохранения и концептуализации иллюзий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цыганов А. Мифология и роман Пелевина Чапаев и Пустота // <http://pelevin.nov.ru/stati/o-myths/1.htm>
2. Корнев С. Столкновение пустот: может ли постмодернизм быть русским и классическим? Об одной аванюре Виктора Пелевина // <http://pelevin.nov.ru/stati/o-krn2/1.html>
3. Пелевин В. Чапаев и Пустота. М., 2004.
4. Щербин А. Излечение от внутренней жизни. По роману В.Пелевина «Чапаев и Пустота» // <http://pelevin.nov.ru/stati/o-vnutr/1.html>
5. Пелевин В. Амфир В. М., 2006.
6. Пелевин В. Священная книга оборотня. М., 2005.
7. Бондаренко В. Между лисой и волком // Завтра, 1.12. 2004 // <http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/04/576/81.html>
8. Дьякова К. Читательские заметки на полях «Амфира В» // <http://pelevin.nov.ru/stati/o-ampir/1.html>

Педагогический институт

Южного федерального университета

15 апреля 2010 г.